

подобного тому, как в повести Воробьева коллективизаторы ломают зимой ульи: таким способом мед можно взять только единожды — другого меда здесь уже не будет. Принуждения страна хлебнула с лихвой, может быть, попробуем иначе, тем более что изобретать ничего не нужно. Характерно (и даже забавно), что наиболее «радикальные» умы и группы, наиболее критически относящиеся к сложившейся у нас политико-экономической системе, те, кого зачастую упрекают в «нигилизме» (по отношению к «принципам», которыми кто-то не может поступиться), опираются как раз на самые устоявшиеся, исторически проверенные ценности (скажем, парламен-

тарный плюрализм, рынок и собственность, традиционная мораль и церковь...); они не выдумывают, а черпают из общечеловеческого опыта, и в этом их коренное отличие от русских нигилистов прошлого века или молодежного нигилизма европейско-американской «контркультуры» 60-х годов.

Воспользуюсь уже вошедшим в литературно-общественный язык образом платоновского котлована: неизвестно, суждено ли нам вообще из него выбраться, но ясно, что выкарабкаться из котлована, стоя на голове, заведомо невозможно, надо сначала встать на ноги или хотя бы попытаться это сделать.

Андрей ВАСИЛЕВСКИЙ.

Политика и наука

К ГОРЬКОМУ — ЕДИНОМУ И ЦЕЛЬНОМУ

М. Горький. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. «Литературное обозрение», 1988, № 9, 10, 12.

Напечатаны «Несвоевременные мысли» Максима Горького. Здесь надо бы поставить восклицательный знак и порадоваться вместе с читателем новой публикации. Но что-то мешает это сделать.

Конечно, сам по себе этот факт не может не радовать. Не прошло и семидесяти лет, как наш читатель (не слишком широкий, если учитывать специфику журнала «Литературное обозрение») получил возможность познаться с мыслями «основоположника соцреализма», чье имя превозносили до небес, называя им города, проспекты, парки, университеты, библиотеки, театры, киностудии, но кого, оказывается... не совсем полно печатали.

О существовании «Несвоевременных мыслей» до сих пор знали не одни специалисты. Глухие разговоры о том, что Горький в свое время не принял Октябрьской революции и спорил с Лениным, велись в читательской среде давно, подогреваемые отсутствием печатной информации на эту тему. Имя Горького в обывательской среде вообще крайне обросло слухами: а правда, что писатель эмигрировал на Запад в 1921 году, а не поехал лечиться, как советовал ему Ленин? что Горький протестовал против суда над эсерами в 1922 году?¹ что Горького убили Сталин и Ягода? С этой точки зрения публикация «Несвоевременных мыслей» — важный шаг на пути от «двух Горьких» к Горькому единому и цельному. Теперь мы можем сказать открыто: да, он спорил с Лениным и большевиками в 1917—1918 годах, да, мучительно не признал Октябрь, который, и это нельзя забывать, был и его де-

тищем, да, отъезд Горького на Запад был продиктован не только болезнью!

Но именно здесь и кончается чувство радости... Сегодня, когда «Несвоевременные мысли» стали общим достоянием, поневоле приходится задуматься над их содержанием. Знаменитая брошюра Горького отрывает общественное сознание от привычного, ставшего в каком-то смысле уютным образа культа личности и возвращает нас назад, к истокам сталинизма.

Что значил Сталин в то время на фоне Ленина, Троцкого, Зиновьева, этот нарком по делам национальностей, только-только начинавший показывать зубы? Недаром о нем нет ни слова в брошюре Горького. Но можно только поражаться историческому предвидению писателя, в июне 1918 года детально обрисовавшего психологический облик будущего тирана: «Он прежде всего обижен за себя, за то, что не талантлив, не силен, за то, что его оскорбляли... Он весь насыщен, как губка, чувством мести и хочет заплатить сторицею обидевшим его... Он относится к людям, как бездарный ученый к собакам и лягушкам, предназначенным для жестоких научных опытов... Люди для него — материал, тем более удобный, чем менее он одухотворен...»

В 1905 году в связи с началом первой русской революции Леонид Андреев написал рассказ «Так было». В нем он предсказывал, что и после победы революции власть будет принадлежать кому угодно, только не самому восставшему народу: «Нужно убить рабов. Власть нет — есть только рабство». А пока, утверждал Андреев, «безграничным повелителем над людьми может стать и горилла.. с волосатым телом».

Интересна реакция на этот рассказ Горького. В 1905 году, прослушав «Так было» в чтении самого автора, Алексей Максимович задал довольно туманный вопрос: «Не преждевременно ли?» На что Андреев

¹ Эту «тайну» пора наконец открыть. В 1922 году в письме А. Франсу Горький писал: «Суд над эсерами носит цинический характер публичного приготовления убийства людей, которые искренно были преданы делу освобождения русского народа» (Эр дэ. Максим Горький и интеллигенция. М. Издательство «Девятое января». 1923, стр. 10).

ответил со свойственной ему аполитичностью: «Хорошее всегда преждевременное...»

О чем думал Горький, вставляя этот эпизод в свой очерк о Леониде Андрееве в конце 1919 года? Минувший год после выхода «Несвоевременных мыслей» отдельной брошюрой. Горький как бы намекал, что еще в 1905 году подобные мысли роились в его голове, но обнародовать их на фоне неудач первой русской революции он считал делом преждевременным...

В сознании читателя значение «Несвоевременных мыслей» может оказаться одновременно преувеличенным и недооцененным. Раздувается, как правило, политический момент. Вот, мол, даже «буревестник революции» не принял Октября! Горький, однако, едва ли хотел кого-нибудь шокировать. Издавая «Несвоевременные мысли» отдельной книжкой осенью 1918 года, уже после примирения с Лениным, он не мог придавать первостепенное значение политическим целям. Гораздо более существенны этический и философский аспекты его брошюры.

Все разговоры вокруг социально-нравственного состояния населения России накануне революции неизбежно ввергают нас в замкнутый круг, где причина оказывается равной следствию. Недемократическая царская политика в отношении народа, отсутствие личных свобод рождали аморфное, неспособное к самоуправлению общество, что, в свою очередь, предполагало наличие жесткой центральной власти, необходимой для управления таким обществом. Все это напоминает пресловутую теорию «среды», раскритикованную еще Достоевским...

Надо сказать, что Горький отнюдь не был лишен иллюзий на этот счет и искренне верил в возможность радикального улучшения «среды» путем революции. Он резко расходился с Толстым по вопросу о нравственном совершенствовании, считал этот путь слишком медленным, слишком «интеллигентским». Горький всегда был сторонником активного вторжения в жизнь и терпеть не мог любого рода непротивленчества.

И все же писатель, мысливший достаточно глубоко, не мог не чувствовать вопиющие недостатки теории «среды». «Несвоевременные мысли» Горького — это опыт национальной самокритики, явление очень русское по своей природе. Наиболее сильные места в брошюре отнюдь не те, где автор яростно нападает на «анархо-коммунистов и фантазеров из Смольного», которым, по его мнению, «нет дела до России», которые производят «жестокий и заранее обреченный на неудачу опыт... над русским народом, не думая о том, что измученная, полуголодная лошадка может издохнуть». Здесь Горький не во всем справедлив, как всякий раздраженный человек. Наиболее сильно то, что пронизано пафосом национального самоотрицания.

«У нас, русских, две души, — писал Горький в 1915 году — одна — от кочевника-монгола, мечтателя, мистика, лентяя... а рядом с этой, бессильной душой живет душа славянина, она может вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горит, быстро уга-

сая...» В статье «Две души»² писатель жестко противопоставил два мировоззрения, определяющих русскую психику: «восточное» и «западное». Внутренняя сущность их одинакова — «стремление к добру, красоте жизни, к свободе духа». Но «по силе целого ряда сложных причин» он отдавал явное предпочтение второму типу мировоззрения. Восток губит Россию, Запад один способен ее спасти. Не обошлось и без прямых рецептов такого спасения: «Нам нужно бороться с азиатскими наслоениями в нашей психике, нам нужно лечиться от пессимизма, — он постыден для молодой нации...»

Ход рассуждений был не нов. Горький, по сути, лишь повторял азы русского западничества XIX века. Это подметил Леонид Андреев, указывая, что критика русской души звучит уж слишком «по-русски». «Не таков Запад, — писал Андреев, полемизируя с Горьким, — не таковы его речи, не таковы и поступки... Критика, но не самооплевание и не сектантское самоожжение, движение вперед, а не верчение волчком — вот его истинный образ» («Современный мир», 1916, № 1).

Однако не тревогой ли за судьбу надвигающейся революции были проникнуты мысли Горького в 1915-м? Писатель ясно сознавал, что революция будет чисто русским явлением, не имеющим аналогов на Западе. Что русский народ обязательно пойдет за теми, кто предложит самый радикальный, самый бескомпромиссный путь социальных перемен.

В повести Горького «Городок Окуров» есть замечательная сцена, в которой словно предугадывается характер русской революции. Провинциальный городской, услышав о том, что в Питере «свобода всем вышла», «плевал в стену и спокойно говорил: „Теперь такое начнется, — ух! Теперь каждый каждому все обиды напомнит!“» Городовой был спокоен. Там, где начинается припоминание обид, ему, городовому, всегда найдется работа.

После манифеста 17 октября 1905 года, столкнувшись с «порывистым» проявлением народного сознания, выразившимся в бесчисленных погромах в городах и «грабизках» в деревне, В. Г. Короленко с горечью писал Н. Ф. Анненскому: «Какая тут, к черту, республика! Выработать в народе привычки элементарной гражданственности и самоуправления — огромная работа, и надолго». Тревога Короленко была близка и Горькому. Догадка, что гибель для революции таится в самом русском народе, мучила Горького задолго до Октября. Следы этой муки можно найти не в одном «Городке Окурове», но и в «Жизни Матвея Кожемякина», «Детстве», даже в романе «Мать». В статье «Две души» писатель лишь открыто высказал то, что читающая публика не желала замечать в его творчестве, упорно считая Горького «народопоклонником».

Но в отличие от своего бывшего учителя Короленко, рассудительно и мудро писавшего о необходимости постепенного социального воспитания народа, Горький подошел к этому вопросу, если можно так

² «Летопись», 1915, № 1.

выразиться, слишком экстремистски. Продолжая тему, начатую в статье «Две души», он пишет в «Несвоевременных мыслях»: «Мы, Русь, — анархисты по натуре, мы жестокое зверье, в наших жилах все еще течет темная и злая рабья кровь... Нет слов, которыми нельзя было бы обругать русского человека, — кровью плачешь, а ругаешь, ибо он, несчастный, дал и дает право лаять на него тоскливым собачьим лаем, воем собаки, любовь которой недоступна, непонятна ее дикому хозяину, тоже зверю».

Способ распределения продуктов труда, при котором любой чиновник от первого до четырнадцатого класса получал больше, чем средний крестьянин-труженик, а тем более рабочий, породил в головах «фетиш распределения», оказавшийся, по мнению Горького, душой русской революции. Лозунг «Грабь награбленное!» приводит писателя в бешенство своей изначальной нелепостью:

«Грабят — изумительно, артистически; нет сомнения, что об этом процессе самограбления Руси история будет рассказывать с величайшим пафосом.

Грабят и продают церкви, военные музеи, продают пушки и винтовки, разворываюк интендантские запасы, — грабят дворцы бывших великих князей, расхищают все, что можно расхитить, продается все, что можно продать, в Феодосии солдаты даже людьми торгуют: привезли с Кавказа турчанок, армянок, курдков и продают их по 25 руб. за штуку. Это очень «самобытно», и мы можем гордиться — ничего подобного не было даже в эпоху Великой Французской революции».

Горький и здесь выделяет в русском национальном характере «две души»: «пламенность» и «равнодушие». Они противоречат друг другу лишь на первый взгляд, на самом же деле тесно связаны между собой. Русский человек легко поддается пафосу, когда речь идет о чем-то дальнем (например, коммунизме), и холодно-равнодушен ко всему, что окружает его в данный момент. Отсюда проистекает, согласно Горькому, особое рода «русская мораль», в которой самые высокие принципы сочетаются с отсутствием узаконенных норм каждодневного поведения.

«Морали, как чувства органической безглазости ко всему грязному и дурному, как инстинктивного тяготения к чистоте душевной и красивому поступку, — такой морали нет в нашем обиходе», — заявляет Горький.

Откройте любой из наших нынешних литературных журналов и загляните в какую-нибудь статью — вы сразу же наткнетесь на рассуждения о «морали», «нравственности» и «духовности». Ни одна литература мира не рассуждает, наверное, так много об этих предметах. Но что они конкретно означают для нас? Горький, например, особенно настаивает на необходимости здравого смысла по отношению к самим себе, именно его он в душе русского народа не находит. Она, эта душа, готова скорее к подвигу, чем к поступку, скорее к моральности высших проявлений духа, чем к морали в обиходе. В этой парадоксальности русской природы Горький видит источник

«моральной сумятицы, среди которой мы привыкли жить». Писатель делает тревожный вывод: «...я особенно подозрительно, особенно недоверчиво отношусь к русскому человеку у власти, — недавний раб, он становится самым разнузданным деспотом, как только приобретает возможность быть владыкой ближнего своего».

О добродушии русского человека сказано немало высоких слов, и не только нашими соотечественниками. Но у Горького и это душевное качество неразрывно связано с «русской жестокостью». Имеет место порочный круг: «непонятное добродушие», нежелание и неумение в каждый данный момент отстаивать свое личное достоинство рано или поздно ведут к чрезмерному накоплению обид в душе. А внезапно вспыхнувшая в результате жестокость, как правило, обращается против самих же русских.

Тут уместно будет привести отрывок из книги Горького «О русском крестьянстве» — пожалуй, самого несправедливого творения его ума. Автор фактически попытался списать на счет крестьянства все народные грехи, вряд ли до конца осознавая масштаб государственного произвола, творившегося (но еще более готовившегося!) по отношению именно к этому классу. Налицо явный «провал» социального чутья Горького, многое объясняющий в его поведении в 30-е годы. Однако поразительный монолог командира Красной Армии, бывшего участника войны с германцами, который приводит писатель в этой книге, весьма поучителен:

«Внутренняя война — это ничего! А вот междуусобная, против чужих — трудное дело для души. Я вам, товарищ, прямо скажу: русского бить легче. Народу у нас много, хозяйство у нас плохое; ну, сожгут деревню, — чего она стоит! Она и сама сторела в свой срок. И, вообще, это наше внутреннее дело, вроде маневров, для науки, так сказать. А вот когда я в начале той войны попал в Пруссию — Боже, до чего жалко было мне тамошний народ, деревни ихние, города и вообще хозяйство! Какое величественное хозяйство раззоряли мы по неизвестной причине. Тошнота!..»³

«Несвоевременные мысли» — это страстный отчет о том, что, с точки зрения Горького, «тяготит и путает» людей, что в гораздо большей степени является причиной трагедии русской революции, нежели просчеты революционных партий. Писатель видит, как жестоко страдает народ, но основную ответственность за это возлагает не на внешние силы, а на самого страдальца. В этом главный этический пафос «заметок о революции и культуре».

«Бесспорно, — пишет Горький, — часть вины за то, что мы бессильны и бездарны, мы имеем право возложить на те силы, которые всегда стремились держать нас далеко в стороне от живого дела общественного строительства... Все это — бесспорно, однако следует, не боясь правды, сказать, что и нас похвалить не за что. Где, когда и в чем за последние годы неистовых издевательств над русским обществом в его

³ Максим Горький. О русском крестьянстве. Берлин. Издательство И. П. Ладьяжникова, 1922, стр. 21.

целом,— над его разумом, волей, совестью,— в чем и как обнаружило общество свое сопротивление злым и темным силам жизни?»

Пассивное отношение к жизни в русском человеке, считает писатель, особенно ярко проявляется в «тяготении к равенству в ничтожестве». Быть «ничтожным» «проще, легче, безответственней». Людей, которые чем-то выделяются на фоне общей массы, не любят на Руси даже в том случае, если они активно пытаются защищать не только свое достоинство, но и честь ближнего. Но русская натура в изображении Горького двойственна. Наряду с нелюбовью к «героям» он отмечает в народе страстную тягу к «праведникам», как бы оправдывающим самым своим существованием будничные грехи обыкновенных людей.

Конечно, писатель верил в революцию. Но понимал ее при этом не просто как политический переворот, а как культурную перспективу. Только культура, по мнению Горького, была способна вывести неприкаемую русскую душу из мертвого круга холостого верчения, где нелепая причина рождает не менее нелепое следствие. Только в культуре виделось ему примирение «двух душ»... Отсюда ощущение безысходности, выраженное в «Несвоевременных мыслях»: «Если революция неспособна тотчас же развить в стране непряженное культурное строительство, — тогда, с моей точки зрения, революция бесплодна, не имеет смысла, а мы — народ, неспособный к жизни». Отсюда и еще одно категоричное утверждение: «Где слишком много политики, там нет места культуре».

Как же мог Горький в конце концов пойти на компромисс со Сталиным? Распутать этот тяжелый узел «двух душ» самого писателя нам еще предстоит. Достаточно, впрочем, полистать газеты 1928 года, чтобы понять: Сталин очень умело использовал кампанию «народного ликования» по

случаю первого визита Горького в СССР. Такого триумфа при въезде в собственную страну не знал, наверное, ни один литератор! Выдержать это и не надломиться душевно едва ли было под силу человеку...

Гражданского мужества, политической смелости Горькому было не занимать. В 1917—1918 годах, печатая цикл «Несвоевременные мысли» во «внепартийной» газете «Новая жизнь», он, разумеется, понимал возможные последствия этого акта. Еще в октябре 1917-го в печати выступил Сталин. «Русская революция,— писал он,— ниспровергла немало авторитетов... Мы боимся, что лавры этих «столпов» не дадут спать Горькому. Мы боимся, что Горького «смертельно» потянуло к ним, в архив».

После насильственного закрытия «Новой жизни» в июле 1918-го Горький издает «Несвоевременные мысли» отдельной книгой, по-новому располагая статьи с учетом главной темы «Революция и культура». При этом нарушился хронологический принцип, отдельные статьи выпали вовсе, но отчетливее прояснился жанр: не собрание политических памфлетов, а философская эссеистика.

Эта книга и легла в основу настоящей публикации. Приятно отметить отсутствие каких бы то ни было купюр, приятно и то, что вступительная статья и комментарии написаны И. Вайнбергом со знанием дела, корректно и без нажимов. Но здесь уместно вспомнить, что «Несвоевременные мысли» лишь первое закрытое белое пятно в публицистике Горького 1917—1928 годов. Ждет своего часа брошюра «Революция и культура. Статьи за 1917 г.», изданная на русском языке в Берлине в 1918 году. Совершенно неизвестными остаются многие письма и интервью Горького, относящиеся к тому периоду. Как бы мы ни оценивали их сегодня, читатель имеет право знать всю правду о Горьком.

Павел БАСИНСКИЙ.

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

О. А. Добиаш-Рождественская. Культура западноевропейского средневековья.

Научное наследие. М. «Наука». 1987. 351 стр.

О. А. Добиаш-Рождественская. История письма в средние века. Руководство к изучению латинской палеографии. М. «Книга». 1987. 320 стр.

В. М. Ершова. О. А. Добиаш-Рождественская. Л. Издательство Ленинградского университета. 1988. 112 стр.

Наконец-то труды историка Средневековья О. А. Добиаш-Рождественской (1874—1939) увидели свет. И не только труды, но и книга о ней, написанная с искренней любовью и уважением. Появление этих книг — дань прекрасному и трагическому прошлому наших учителей, связь с которыми мы нынче ощущаем как насущную необходимость ради продолжения жизни и культуры. Идеологическая пропаганда 20—50-х годов, толкая историю в безоглядное будущее, пускала ей пулю в затылок. С середины 50-х начались неистовые поиски прошлого. Тогда-то и возникла

необходимость разбить механизмы, порождающие стертые стереотипы сознания, подавляющие индивидуальные, личностные интересы. Нам дорого досталось осознание мысли, которая полстолетия назад была сформулирована Н. А. Бердяевым (выразившим, замечу, то, что уже около двух тысячелетий знала христианская культура): «Когда личность вступает в мир, единственная и неповторимая личность, то мировой процесс прерывается и принужден изменить свой ход, хотя бы внешне это не было заметно».

В начале 60-х, когда я знакомаюсь с ее работами, почерком, манерой описывать